

После еды Чэн Цзайе не спешил уйти, он снова немного повозился с подсолнухами на подоконнике. Цзян Шоуянь, держа в руках миску с манговым льдом, сидел на диване и крошечными порциями ел лёд. Послеобеденное солнце нещадно пекло: стоило лучам заглянуть в окно, как вскоре стало жарко. На кончике носа Цзян Шоуяня выступила тонкая испарина, но он и не думал прятаться: грелся на солнышке и одновременно спасался от жары ледяным десертом.

Чэн Цзайе взял по вазе в каждую руку, возвращая их на подоконник. Его тень несколько раз мелькнула перед Цзян Шоуянем, и тот довольно сощурился в этом мерцающем свете. Затем диван рядом просел. На низком журнальном столике стояла миска с нетронутым льдом Чэн Цзайе. Тот упёрся локтем в колено, обведя пальцем край миски:

— Так и будешь просто есть?

Цзян Шоуянь не понял, что он имеет в виду, и слегка наклонил голову. Чэн Цзайе немного посмотрел на него, указал подбородком на встроенный в стену огромный телевизор впереди и спросил:

— Посмотрим кино?

Цзян Шоуянь на мгновение замер, вспомнив, что дома тоже есть такой телевизор, но обычно его смотрела бабушка. По вечерам, когда нечем было заняться, или в выходные, если никуда не выходил, он сидел на диване и смотрел телевизор вместе со ней. Старушка была неграмотной. В её время считалось, что девочкам учёба ни к чему, — всё равно выйдет замуж и будет работать на чужую семью. Если деньги и были, то сначала учили братьев, а окончание младшей школы уже делало человека культурным. Поэтому она могла только смотреть на картинку и слушать голоса. Понимая происходящее лишь наполовину, она всё же умудрялась иногда обсуждать сюжет с Цзян Шоуянем, который начинал смотреть с середины, и вид у неё при этом был очень довольный.

— О чём задумался? — Голос Чэн Цзайе вернул мысли Цзян Шоуяня в реальность. — Ты так тепло улыбаешься. Вспомнил что-то хорошее?

Чэн Цзайе сел обратно с пультом в руках. Шторы задёрнули, свет в гостиной стал

приглушённым и туманным, словно в те безмятежные послеобеденные часы из прошлого. Цзян Шоуянь доел последнюю ложку льда, его голос прозвучал чисто и прохладно:

— Вспомнил свою бабушку.

— Она для тебя очень важный человек, верно? — спросил Чэн Цзайе.

Выражение лица в тот миг не могло обмануть. Взгляд Цзян Шоуяня был очень мягким — эта живость, рождённая в любви, невольно выплеснулась наружу.

— Угу, — сказал Цзян Шоуянь. — Очень.

— Тогда, если будет возможность, можно мне с ней увидеться?

Цзян Шоуянь ничего не ответил, лишь опустил ресницы и поставил фарфоровую миску на столик. Чэн Цзайе отвёл взгляд, закончил возиться с настройкой трансляции и снова спросил Цзян Шоуяня, какой фильм тот хочет посмотреть. Цзян Шоуянь поднял глаза: на большом экране был сплошной текст на английском. Ему было лень переводить это в голове на китайский, поэтому он сказал:

— Всё равно, — лениво вытянул ноги и слегка сполз вниз, уютно утопая в диване.

— Тогда посмотрим вот этот. — Чэн Цзайе нажал что-то в телефоне. Цзян Шоуянь бегло взглянул: это был фильм 2003 года, в переводе называющийся «Под солнцем Тосканы».

Диван был низковат для Чэн Цзайе, поэтому он просто сел на ковёр, прислонившись спиной к сиденью, и оказался совсем рядом с Цзян Шоуянем — его рука время от времени касалась голени парня. После еды всегда клонило в сон, монотонный поток английской речи и лёгкие прикосновения затянули Цзян Шоуяня в дремоту.

— Тоскана — место, где мои родители впервые встретились, — голос Чэн Цзайе доносился словно издалека. — У мамы сломалась машина посреди просёлочной дороги, где обычно редко ездили автомобили.

Цзян Шоуянь словно со стороны услышал, как тихонько мычит в ответ, а потом скользнул за грань восприятия звука.

— Это было первое мамино автопутешествие. Позже она признавала, что садиться в машину к незнакомцу на самом деле очень опасно, но тогда, глядя в глаза отца, она подумала, что он не похож на плохого человека. — Чэн Цзайе улыбнулся: — Их первая встреча случилась солнечным летом, и с тех пор каждый год в это время они ездят в Тоскану, чтобы пожить там какое-то время.

Спустя несколько минут, не дождавшись ленивого «угу», Чэн Цзайе озадаченно повернул голову и обнаружил, что Цзян Шоуянь уснул, склонившись на диване. Он взял пульт и немного убавил громкость телевизора. Спящий Цзян Шоуянь был совершенно расслаблен и лишён того напускного равнодушия, которым обычно прикрывался. Иногда Чэн Цзайе казалось, что Цзян Шоуянь живёт под стеклянным колпаком: показывает только то, что хочет показать, и к нему невозможно приблизиться, невозможно коснуться по-настоящему. Но сейчас эта защита исчезла, позволяя Чэн Цзайе отчётливо почувствовать его безмолвную печаль.

Чэн Цзайе подпёр голову рукой и, сидя на ковре, тихо смотрел на Цзян Шоуяня. Звуки фильма тихим фоном витали в комнате, и Чэн Цзайе вспомнил то лето шесть лет назад, когда впервые увидел Цзян Шоуяня. Шесть лет могут изменить многое, но неизменным осталось то, как панически забило сердце в момент их новой встречи.

Луч света пробился сквозь щель в шторах и упал на лицо Цзян Шоуяня — тот слегка нахмурился. Чэн Цзайе поднял руку, заслоняя этот свет. Тень легла на лицо спящего, словно нежно поглаживая его брови и глаза. «Так что, Шоуянь, когда же ты захочешь полностью впустить меня в свой мир?» Чэн Цзайе тоже хотел стать человеком, при мысли о котором Цзян Шоуянь чувствовал бы счастье и покой.

Лежащий на столе телефон завибрировал, Чэн Цзайе увидел, как на большом экране всплыло сообщение.

— («Туман рассеялся, если выедешь сейчас, ещё успеешь на закат».)

От лёгкого прикосновения к пальцам Цзян Шоуянь проснулся. Он перехватил запястье Чэн Цзайе и невнятно пробормотал:

— Прости, случайно задремал. — Он отвернулся, приходя в себя, и только когда перед глазами исчезли пятна пляшущего золотистого света, снова посмотрел на Чэн Цзайе и спросил: — Я долго спал?

Чэн Цзайе ответил, что нет. Он опирался локтем о край дивана, подперев подбородок рукой. Его золотисто-карие глаза напоминали сверкающее на солнце озеро, а улыбка была такой, что у Цзян Шоуяня слегка дрогнуло сердце.

— Туман на мысе Рока рассеялся, — Чэн Цзайе поднял на него взгляд. — Цзян Шоуянь, давай вместе посмотрим на закат.

***

Машина плавно ехала по прибрежному шоссе. Из динамиков лилась Viva la Vida группы Coldplay: вдохновенная мелодия, полная пронзительной жизненной силы, сквозь свист ветра свободно неслась к краю земли. Цзян Шоуянь сидел на заднем сиденье. Слева от него, разбиваясь в золотых брызгах, простиралась бескрайняя морская гладь. Солёный морской ветер овеивал лицо, а он, словно ещё не до конца проснувшись, оцепенело смотрел в окно.

— Теперь понимаешь, почему я посадил тебя назад? — спросил Чэн Цзайе. — Отсюда вид на море особенно красив.

Чэн Цзайе ко всему готовился основательно. Даже не зная, рассеется ли сегодня туман на мысе Рока, он всё же поменял машину на внедорожник, способный одолеть горные дороги, и припас тонкие пледы для защиты от ветра.

Машина съехала со скоростной трассы и вдруг рванула вверх по горному серпантину. Цзян Шоуяня подбросило на заднем сиденье, и в зеркале заднего вида он заметил чёткую линию подбородка Чэн Цзайе. Их взгляды встретились в отражении. Чэн Цзайе улыбнулся:

— Везу тебя по дикой тропе, которую знает не каждый местный.

Внедорожник карабкался по горной дороге. Океан то исчезал, то появлялся за грядками чёрно-серых скал. Небо сливалось с простором земли, дорога постепенно выравнивалась, а на траве островками цвели ярко-жёлтые горные цветы.

Через десять минут машина остановилась на пустыре у края мыса. Цзян Шоуянь открыл дверь и вместе с Чэн Цзайе встал на открытой площадке. Морской ветер нещадно трепал их волосы. Золотое солнце низко висело над горизонтом, его яркий свет беспристрастно озарял всё вокруг. Чэн Цзайе достал с заднего сиденья два пледа и протянул один Цзян Шоуяню:

— Здесь сильный ветер, накинь.

Цзян Шоуянь, словно только сейчас окончательно придя в себя, шмыгнул носом:

— Спасибо.

— Рискнёшь пройти вперёд? — Чэн Цзайе указал на ещё более узкую площадку впереди. Они находились на мысе высотой более ста метров. Под крутым узким утёсом бушевали волны Атлантики.

Цзян Шоуянь делом доказал, что не боится: он сел на том крошечном пятачке земли. Перед

ним не было никаких ограждений. Яростный ветер хлестал в лицо, и от головокружительного ощущения, что он вот-вот сорвётся вниз, его охватила неконтролируемая дрожь. Это был первобытный трепет перед лицом стихии. Чэн Цзайе казался куда спокойнее — видимо, привык к этой дикой мощи, поэтому выглядел расслабленным и наслаждался моментом.

— Строго говоря, это не совсем мыс Рока, — Чэн Цзайе указал куда-то вдаль за спиной Цзян Шоуяня. — Видишь тот маяк?

Цзян Шоуянь настолько промёрз на ветру, что даже обернулся с задержкой: за холмистой грядой виднелись две красно-белые точки.

— Вот там — настоящий мыс Рока, — сказал Чэн Цзайе. — Под маяком стоит стела, на которой высечена очень известная строка. В переводе она звучит так: «Здесь кончается земля и начинается море». До эпохи Великих географических открытий это место считалось краем земли, концом света. Позже люди набрались смелости исследовать этот древний и таинственный океан, тем самым открыв новую эру.

Океан в своём вечном движении не знает покоя, будучи свидетелем расцвета и заката целой эпохи. Сейчас Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе, сидя на этом узком утёсе и вглядываясь в синезолотую даль моря, словно тоже преодолели долгий отрезок времени.

— Поэтому многие предпочитают фотографироваться у стелы или маяка, — Чэн Цзайе откинул назад упавшую на глаза чёлку. — Но там слишкомлюдно. Я подумал, тебе это не понравится, поэтому привёз сюда.

Чэн Цзайе слегка толкнул локтем закутанного в плед соседа:

— Цзян Шоуянь, можно сказать, что я хоть капельку тебя понимаю?

Ветер был таким сильным, что приходилось склонять головы, почти касаясь плечами, чтобы слышать друг друга. Цзян Шоуянь повернулся и с улыбкой кивнул. Его чуть раскосые глаза ласково прищурились, а в уголках затаилась едва уловимая нежность.

Чэн Цзайе услышал, как предательски громко застучало сердце. Он отчётливо понимал: это не тот адреналиновый страх от сидения на краю обрыва, где можно в любой момент сорваться вниз. Это инстинктивное волнение от присутствия Цзян Шоуяня — того самого Цзян Шоуяня, которого, как и его волосы и плед, невозможно было удержать на этом ветру.

Дверь внедорожника осталась открытой, плейлист случайным образом переключился на Yellow группы Coldplay. Тихий голос пел о незаметно подкравшейся любви.

So then I took my turn (Вот мой черёд),

Oh what a thing to have done (О, что же я наделал),

And it was all Yellow (И всё это было жёлтым).

Чэн Цзайе видел, как золотой свет заката ложится на профиль Цзян Шоуяня, подсвечивая тонкий пушок на его лице. Они дышали одним ветром, смотрели на одно море, сидя на утёсе на краю земли, а далеко внизу день за днём разбивались неистовые волны. Этот момент, казалось, мог стать ещё глубже. Поэтому Чэн Цзайе, повинувшись внутреннему порыву, вежливо спросил:

— Цзян Шоуянь, можно тебя поцеловать?

Цзян Шоуянь замер.

— Я знаю, это очень дерзко, но... — Чэн Цзайе сделал паузу. — Пять секунд. Если через пять секунд ты не отстранишься, я буду считать это согласием, хорошо? — И он действительно начал чинно отсчитывать секунды.

Цзян Шоуянь смотрел на его серьёзное и сосредоточенное лицо, и ему почему-то захотелось рассмеяться. Обратный отсчёт над ухом незаметно дошёл до трёх. Под пристальным взглядом Чэн Цзайе Цзян Шоуянь услышал, как ускоряется его собственное сердцебиение.

— Два.

Солнце полностью погрузилось в море.

...

Чэн Цзайе не успел досчитать до одного, потому что Цзян Шоуянь подался вперёд и поцеловал его. В момент соприкосновения губ настала очередь Чэн Цзайе замереть — он всего лишь хотел поцеловать Цзян Шоуяня в щёку. Но когда эта мягкость начала медленно отступать, он не удержался и подался следом, ладонью обхватил затылок Цзян Шоуяня, и кончик языка быстро проник сквозь его губы.

Морской ветер свистел в ушах, горячее дыхание торопливо смешивалось и снова медленно расходилось. Цзян Шоуянь всегда вызывал ощущение чего-то неуловимого. Даже в такой интимный момент, как поцелуй, Чэн Цзайе, казалось, не мог разглядеть радости на его лице. Он не знал, что происходит, просто инстинктивно хотел удержать Цзян Шоуяня, сделать их связь как можно крепче. Поэтому он сказал:

— Давай поедem в путешествие, Цзян Шоуянь. — Он поднял руку, стирая влажный след с уголка губ Цзян Шоуяня, его взгляд устремился к бескрайнему горизонту: — В ещё более далёкие места. Туда, где заканчивается край света.

<http://bllate.org/book/14908/1503150>